

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.04

Л.В. КАЛЬМИНА

УДК 94(571.5)

ББК 63(2Р54)

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ТОРГОВЛИ В УЕЗДНОМ СИБИРСКОМ ГОРОДЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕУДИНСКА)*

В статье показаны формы торгового предпринимательства в уездном сибирском городе и процесс их изменения на рубеже XIX–XX вв. Анализируются сущность трансформации городской торговли, роль Транссибирской магистрали как ее главного фактора и причины сохранения «архаичных» форм торговли, примером которых служила ярмарочная.

Ключевые слова: Верхнеудинск, торговля, ярмарка, торговые обороты, Транссибирская магистраль

L.V. KALMINA

TRADING METHODS EVOLUTION IN A PROVINCIAL SIBERIAN TOWN AT THE EDGE OF XIX–XX CENTURIES (VERKHNEUDINSK CITED AS AN EXAMPLE)

The article covers trading enterprise methods in a provincial Siberian town and the process of their development at the edge of XIX–XX centuries, the essence of town trade transformation, Trans-Siberian Railway role as its main factor and reasons for preserving archaic trading forms, a fair as an example, having been analysed.

Keywords: Verkhneudinsk, trade, fair, trading circulation, Trans-Siberian Railway.

Для иллюстрации процесса трансформации форм городской торговли в обозначенный хронологический период мы неслучайно выбрали Верхнеудинск. На протяжении долгого времени он играл роль важного торгового центра, своеобразного «перевалочного пункта», откуда шли торговые пути в Нерчинск, Кяхту, Селенгинск [9, с. 53]. Даже на пороге XX в. торговля была главным занятием городского населения: сборы за промыслы и торговые свидетельства в 1899 г. составили 1139 руб. 90 коп., тогда как сборы с патентов на заводы — 846 руб. 75 коп. [10, с. 107]. В справочной литературе Верхнеудинск оценивался как «наиболее торговый» город в Восточной Сибири [22, с. 338].

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9)

Доминантой верхнеудинской торговли была зимняя Рождественская ярмарка, вторая по объему продаж в Восточной Сибири после Иркутской. Отсчет ее истории ведется с 1768 г. Проводилась она в конце января — начале февраля в зависимости от сроков установления прочной дороги через Байкал. На ярмарку съезжались купцы из Иркутска, Нерчинска, Читы, Кяхты, Баргузина, из Амурской области. Промежуточное положение между Иркутском и Кяхтой, державшими в своих руках торговлю с Китаем и часть внутренней торговли западного Забайкалья, обрекало Верхнеудинскую ярмарку на вторые роли: некоторые грузы из Кяхты, минувя Верхнеудинск, шли прямо к Байкалу [2, с. 88]. К тому же Верхнеудинская ярмарка фактически торговала товарами, оставшимися нереализованными в декабре на Иркутской ярмарке. Однако Верхнеудинск был одним из узловых межрегиональных ярмарочных центров, связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли, вокруг которых выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [19, с. 135–136]. Четыре тракта, связывавшие ярмарку с районами Центральной России, китайско-монгольского пограничья и Забайкалья, были, по сути, питающими ее артериями. Более 70 % товаров, преимущественно мануфактурных, бакалейных и ювелирных, рыба, масло, свечи, мед доставлялись по Иркутскому тракту; Кяхтинско-Селенгинским путем везли чай, овчины, кожи; по Читинскому и Баргузинскому трактам привозили сырье, кожи, пушнину, мясо, рыбу. На ярмарку свозились и товары китайского производства, в т.ч. китайскими купцами, изделия местных кустарей [21, с. 64]. Ко второй половине XIX в., когда произошла специализация ярмарок, определился и профиль Верхнеудинской. Главным предметом торгового оборота стали мануфактурные изделия московских производителей, составлявшие до пятой части всего торгового оборота. Ярмарка была и основным рынком сбыта местной продукции: для торговли продукцией своего хозяйства и покупки товаров фабричного производства на нее съезжались крестьяне Верхнеудинского и Селенгинского округов. В западном Забайкалье она, пожалуй, была единственным местом встречи товарных потоков формирующегося производственного сектора России и промыслового хозяйства коренного населения Сибири.

Сведения о проведении ярмарки входили во Всеподданнейшие отчеты военного губернатора Забайкальской области; ежегодные статистические отчеты Верхнеудинской городской управы, бюджетные отчеты забайкальских городов, где затраты на проведение Верхнеудинской ярмарки и полученные от нее доходы шли отдельной строкой расхода и, соответственно, прихода. Кроме того, составлялись самостоятельные отчеты о проведении ярмарки с полным анализом хода торговли и соблюдения торговых правил. Судя по отчетам, обороты ярмарки были

волнообразными, то снижаясь, то вновь вырастая — в зависимости от ряда обстоятельств. Например, интенсивность ярмарочной торговли в значительной степени зависела от урожайности трав: именно она как одна из главных статей городского дохода в конечном итоге устанавливала торговые объемы и формировала покупательский спрос. В докладе Верхнеудинской городской управы от 11 марта 1885 г. отмечалось, что из-за двухлетних неурожаев трав торговцев на ярмарку с каждым годом приезжает меньше, из-за чего ярмарочные доходы также постоянно уменьшаются [3, л. 55]. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. объемы ярмарочной торговли стали падать и из-за доставки товаров в Амурскую и Приморские области, а также в восточное Забайкалье до селения Средненского морским путем, после чего отпала необходимость их закупки на ярмарке [5, л. 3]. Однако уже в 1895 г. наблюдалось значительное увеличение объемов привезенных на ярмарку товаров, что объяснялось наплывом рабочих и служащих на постройку Забайкальской железной дороги [12, с. 8]. В целом во второй половине XIX в. наблюдалась стойкая тенденция роста ярмарочных оборотов: с 1863 по 1900 гг. они увеличились в пять раз [15, с. 286].

На протяжении многих лет ярмарка формировала торговое лицо города. Именно она была основой его благополучия, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. Судьба ярмарки и неразрывно соединенная с ней судьба города всякий раз выдвигались в качестве решающего аргумента при защите городских интересов [4, л. 2; 6, л. 18].

Транссибирская железнодорожная магистраль внесла существенные коррективы в сибирскую торговлю. В городах, через которые прошла железная дорога, открылись склады и магазины крупнейших российских текстильных фирм. В этих условиях началось падение роли купцов-оптовиков. Торговцы Сибири стали чаще закупать товары в оптовых складах промышленных фирм, а не ярмарках или у посредников, как ранее [14, с. 122]. Забайкалье в целом не выбивалось из контекста сибирской торговой модернизации. Верхнеудинская ярмарка как главная составляющая забайкальской торговли стала резко терять обороты. В 1901 г., через полтора года после проведения через город железной дороги, они едва достигли 580 тыс. руб., хотя ранее превышали 2 млн. Представители крупных фирм приезжали уже не столько для закупки товаров, сколько для окончания расчетов прежних лет. Доходы горожан от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, достигавшие во время ярмарки 50 тыс. руб., после проведения магистрали сократились больше, чем наполовину [18, с. 162–163]. Причина была та же, что и в целом по Сибири: с появлением рельсового пути упростилась схема движения товаров, отпала необходимость закупать их сразу на год. Нижегородская и Ирбитская ярмарки перестали играть главные роли в снабжении

Забайкалья мануфактурой и готовым платьем. Крупные оптовики предпочитали закупать товар в Москве, торговцы с менее значительным капиталом заключали сделки с оптовыми складами, открывшимися вдоль железной дороги, в т.ч. и в Верхнеудинске. Сложившаяся торговая цепь сократилась на одно звено — оптовую ярмарку как посредника между Сибирью и промышленными центрами. Второе звено в этой цепи — городская торговля, распределявшая купленные товары между мелкими населенными пунктами, — стало первым [10, с. 110–111].

Однако Транссибирская магистраль, перераспределив торговые роли, не уничтожила ярмарку. Оправившись от первоначально шока, ярмарка стала работать в прежнем режиме, постепенно наращивая объемы. На зимней ярмарке 1903 г. было продано товаров на 172 817 руб. больше, чем в предыдущем году. Ассортимент заметно изменился: товары первой необходимости стали уступать предметам роскоши. Вторую позицию после мануфактуры, которая традиционно держала первенство по объемам продаж, заняли галантерейные, золотые и бриллиантовые изделия [13, с. 59]. Более того, в этом же году в городе была учреждена летняя ярмарка, проводившаяся с 20 августа до 3 сентября, когда уже были ясны перспективы летнего охотничьего и рыболовного сезонов и виды на урожай. К тому же водный путь доставки товаров из Иркутска оставался более дешевым по сравнению с провозом по железной дороге [8, л. 3–4, 22]. «Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области», изданный в 1914 г., констатировал, что хотя две верхнеудинские «ежегодные ярмарки теряют постепенно свое значение, когда-то до проведения железной дороги стоявшее весьма высоко», они и теперь «стягивают настолько значительный съезд торговцев, что некоторые банки открывают на это время в Верхнеудинске свои отделения» [17, с. 9].

Почему же в то время, как в большинстве сибирских городов с появлением железной дороги «ушли в прошлое ярмарки и купцы-оптовики, посредничавшие между сибирским потребителем и производителями фабричной продукции России», в Верхнеудинске эта, казалось бы, уже ставшая архаичной форма торговли уцелела и даже имела тенденцию к росту? [16, с. 261] Мы видим здесь несколько причин. Первая — уже ставшее привычным соседство ярмарки со стационарной торговлей, бывшей одной из форм городского торгового предпринимательства еще в конце XVIII в. В это время в Верхнеудинске уже было пять провиантских (продовольственных) магазинов, винный подвал, несколько кофейных домов и торговых лавок, которые составляли первый в городе Гостиный двор [18, с. 85]. В первой половине XIX в. круглый год велась лавочная торговля, работали городские базары. А в 1890-х гг., еще до проведения Транссибирской магистрали, в городе появляются большие универсальные магазины. Концентрируя на своих прилавках всевозмож-

ные товары, способные удовлетворить различные вкусы, они могли обеспечивать ими население круглогодично, ликвидируя тем самым ажиотажный спрос, характерный для ярмарочной торговли [21, с. 71]. Только один магазин купца А.Ф. Второва занимал в Верхнеудинске помещение в 200 кв. сажень и имел годовой оборот не менее 1 млн руб. [7, л. 115]. Тем не менее, полного замещения временной торговли (ярмарок в том числе) стационарной не произошло. Крупное производство всегда оставляет достаточное неосвоенное пространство, заполняющееся традиционными формами. Многоукладная сибирская экономика предполагала принцип сосуществования и взаимодополняемости разных форм предпринимательства [1, с. 171]. Вторая причина: у каждой ярмарки были свои функции, выполнение которых оставалось значимым для формирования забайкальского торгового пространства и после проведения железной дороги. Снижение торговых оборотов Иркутской ярмарки из-за установления прямых коммерческих связей с московскими, варшавскими и зарубежными купцами сделало ее фактической преемницей Верхнеудинскую, которая сменила ее на «посту» распределителя товарных потоков в Забайкалье. Оказавшись на пересечении всех видов торговых путей — железнодорожного, водного (судоходная Селенга) и трактов на Кяхту и Баргузин, — в центре густонаселенного хлебородного района, Верхнеудинск «отодвинул» и оставшуюся в стороне от железной дороги Кяхту, ранее вместе с Иркутском державшую в своих руках торговлю с Китаем и часть торговли западного Забайкалья, и зимняя ярмарка окончательно закрепила за собой роль распределительного центра среди городов и уездов региона. Летняя ярмарка, выполняя функцию снабжения золотых промыслов перед зимним сезоном, была посредником между крупными и мелкими торговцами Троицкосавского, Селенгинского и Верхнеудинского уездов, получившими возможность приобретать все необходимое без поездки в Иркутск. К тому же именно в это время наблюдается наплыв в Верхнеудинск монгольских товаров, которые обменивались на продукцию европейской фабричной промышленности, удешевленную провозом по железной дороге, в результате чего ярмарка стала связующим звеном между европейской Россией и Монголией.

Активизации торговли с Монголией способствовала и удобная транспортная схема Верхнеудинска: проведенная ветка от вокзала на речную пристань Селенги и пароходное сообщение по Селенге, Байкалу и Ангаре [8, л. 3–4, 7–8]. Обе крупные ярмарки «питали» массу мелких, возникших в уездах: городская торговля из-за своей отдаленности не могла удовлетворить растущий спрос сельского населения. Верхнеудинские ярмарки для сельской местности стали играть те же роли, которые ранее ярмарки, имевшие всероссийское значение, играли для уездного города: концентрация и распределение товара. Третья причина заклю-

чалась в слабом развитии модернизированных форм торговли. Можно спорить о том, насколько они вообще были развиты в Сибири — на этот счет существуют разные мнения: от отрицания широкого распространения биржевых операций в силу развитых традиций непосредственной торговли [1, с. 216] до придания товарным биржам в Сибири значительной роли [16, с. 261]. Но в Забайкалье они действительно распространения не получили. В Верхнеудинске биржевой комитет отсутствовал. Наконец, Верхнеудинская ярмарка, как и все сибирские ярмарки, была своего рода «защитным механизмом» сибирских торговцев против монополии российских купцов для совместной защиты своих интересов, которые были изначально ущемлены неравенством, сложившимся в системе разделения товарных потоков [20, с. 122]. Сибирь была вынуждена закупать дорогую фабричную продукцию европейской части России в обмен на поставку дешевого сельскохозяйственного сырья. В отсутствие иных форм общения торговых людей ярмарка представляла собой что-то вроде делового клуба, в котором формулировались предложения к региональной власти. Это был один из наиболее демократических институтов, где статус человека определялся только деловыми качествами, а не принадлежностью к сословию или конфессии, что было очень близко менталитету сибиряка [11, с. 422–423]. А для приезжих крестьян ярмарка выступала еще и в роли культурно-массового мероприятия [19, с. 134].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. произошла трансформация торговли уездного Верхнеудинска. Главным фактором, способствовавшим изменению форм торгового предпринимательства, стало проведение через город железной дороги. Усилив роль стационарной торговли и снизив значение временной (ярмарочной), она, тем не менее, не уничтожила последнюю, а лишь изменила ее дислокацию, объемы, ассортимент и направление товарных потоков. Иркутск как транзитный торговый центр между Россией и Китаем [19, с. 137] «поделился» этими функциями с Верхнеудинском, чья летняя ярмарка, появившаяся уже после проведения Транссиба, приобрела роль торгового посредника между Россией и Монголией. Ярмарочная сеть стала более ветвистой, включив в себя мелкие сельские ярмарки, поскольку сельские жители таким путем получали доступ к товару, наполнившему оптовые склады вдоль железной дороги. Не исчерпавшая свой потенциал, ярмарочная торговля, даже при росте значения стационарной, продолжала играть роль организатора западно-забайкальского торгового пространства. А после революционных событий и гражданской войны ярмарочная торговля как наиболее привычная и «понятная» способствовала восстановлению разорванных торговых связей.

Список использованной литературы и источников

1. Андрющенко Б. К. Сфера обмена Сибири как показатель уровня модернизации / Б. К. Андрющенко // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв. : Сб. материалов науч. конф. / под ред. В. А. Ламина. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2003. — С. 170–174.
2. Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. — Иркутск : Иркутск. кн. изд-во, 1959. — 146 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). — Ф. 10 (Верхнеудинская городская управа). — Оп. 1. — Д. 433.
4. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 577.
5. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 774.
6. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1038.
7. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1088.
8. ГАРБ. — Ф. 10. — Оп. 1. — Д. 1710.
9. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2007. — 248 с.
10. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас / отв. ред. Б. В. Базаров. — Иркутск : Оттиск, 2012. — 300 с.
11. Кальмина Л. В. Верхнеудинская ярмарка как социокультурный феномен / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — С. 420–426.
12. Обзор Забайкальской области за 1895 г. — Чита : Тип. Заб. Обл. правления, 1896.
13. Обзор Забайкальской области за 1903 г. — Чита : Тип. Заб. Обл. правления, 1904. — 126 [90] с.
14. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии / отв. ред. В. П. Зинovieв. — Томск : изд-во Том. ун-та, 2019. — 340 с.
15. Санжиев Г. Л. Бурятия. История. XVII–XIX вв. / Г. Л. Санжиев, Е. Г. Санжиева. — Вып. 4. — Улан-Удэ : изд-во Бурят. госуниверситета, 1999. — 354 с.
16. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.
17. Справочник-указатель по г. Чите и Забайкальской области на 1914 г. — Чита : Тип. Т-ва Бергут и сын, 1914. — 141 с.
18. Улан-Удэ — 350: история и современность: В 2 т. Т. 1. XVII — начало XX в. — Иркутск : изд-во «Оттиск», 2016. — 372 с.
19. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.
20. Щеглова Т. К. Образы и этнокультурная идентификация торговцев на ярмарках сибирского фронта во второй половине XIX — начале XX в. / Т. К. Щеглова // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом изме-

рении (XVIII — начало XX в). Сер. «Азиатская Россия» / отв. ред. И. Л. Дамешек, Ю. А. Петрушин. — Иркутск : ЗАО «Восточно-Сибирская издательская компания», 2008. — С. 117–128.

21. Экономика в региональном «интерьере»: Западное Забайкалье в модернизационных процессах 1880–1930-х гг. / под ред. В. Б. Базарова. — Иркутск : Оттиск, 2015. — 228 с.

22. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — Санкт-Петербург : изд. Хоз. деп-та МВД, 1882. — 442 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor of Sciences (History), Professor Assistance, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, e-mail:kalminal@gmail.com.